

УДК 811.161.1'367.623(045)
<https://doi.org/10.36906/KSP-2023/25>

Каменев Д.М.
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

УЗУС И НОРМА В КОНТЕКСТЕ «СОБСТВЕННЫХ» ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ НЕКОТОРЫХ ПОЛНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования степеней сравнения некоторых качественных полносемантических прилагательных в русском языке с точки зрения соотношения узуса и языковой нормы. Делается вывод, что в разговорной речи, а также публицистике, поэзии и художественной литературе образование и функционирование степеней сравнения у таких прилагательных возможно, однако их употребление в современном литературном языке строго ограничено ввиду развития семантической неясности, чего так избегает упорядоченный и четко выстроенный литературный язык.

Ключевые слова: русский язык; узус; норма; грамматика; прилагательные.

Kamenev D.M.
Saint-Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

USUS AND NORM IN THE CONTEXT OF «OWN» GRAMMAR CATEGORIES OF SOME FULL SEMANTIC ADJECTIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article examines the features of the functioning of degrees of comparison of some qualitative full-semantic adjectives in the Russian language from the point of view of the relationship between usage and language norms. It is concluded that in colloquial speech, as well as journalism, poetry and fiction, the formation and functioning of degrees of comparison for such adjectives is possible, but their use in modern literary language is strictly limited due to the development of semantic ambiguity, which an ordered and clearly structured literary language avoids.

Key words: Russian language; ususe; norm; grammar; adjectives.

Лингвистика XXI века продолжает разработку идей в области соотношения узуса и языковой нормы, это видно по большому числу научных текстов, посвященных данной проблеме как у отечественных, так и у зарубежных лингвистов. За длительный период изучения столкновения и соотношения двух явлений, удалось рассмотреть следствия этих процессов на обширном материале самых различных уровней языка: начиная с фонетических крупиц, заканчивая ССЦ и целыми текстами. Однако обнаруживаются некоторые зияния в исследованиях, где узусальные образования и их взаимодействие с нормативным аппаратом языка недостаточно раскрыты и прописаны. Говоря об этом, мы имеем в виду влияние последнего на функционирование «собственных» грамматических категорий качественных прилагательных, которые семантически выражают «предельность» («предельные» и

полносемантические далее использованы как синонимы) признака в русском языке. Прилагательные – это группа слов, которая «образует сферу употребления, трудно уловимую и плохо поддающуюся описанию» как с точки зрения семантики, так и с точки зрения грамматики [4, с. 5]. Следовательно, семантически и грамматически прилагательные – сложные для описания образования, поэтому мы можем допустить, что на этих уровнях (лексика и грамматика) могут возникать узуальные образования как «некие точки расшатывания устойчивого состояния и риска его нарушения, некие линии разлома, затрагивающие и норму, и систему» [15, с. 345]. Под такими узуальными образованиями грамматического характера в данной статье мы будем понимать особенности функционирования возникающих в речи носителей степеней сравнения качественных прилагательных, выражающих полноту признака в семантической структуре прилагательного.

Актуальность проводимого исследования основывается на том, что в современном языкознании до сих пор недостаточно прослежено и описано взаимовлияние узуса и нормы на материале «собственных» грамматических категорий качественных полносемантических прилагательных, которые рассматривались бы с применением данных различных корпусов, отражающих употребления в литературной и живой разговорной речи (данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ).

Объект – особенности взаимодействия нормы и узуса прилагательных, обозначающих в семантическом плане «предельный» признак, а предмет – особенности функционирования «собственных» грамматических категорий некоторых полносемантических прилагательных в контекстах, зафиксированных корпусами.

Цель – определить характер взаимоотношений узуса и нормы, а также проследить влияние этих взаимоотношений на особенности функционирования «собственных» грамматических категорий полносемантических прилагательных.

Научная новизна заключается в изучении мало рассмотренных ранее «собственных» грамматических категорий «предельных» прилагательных через призму взаимоотношений двух важных языковых явлений – узуса и нормы (с привлечением данных НКРЯ и ГИКРЯ).

Термин «прилагательные предельности» впервые встречаем у Ю.Д. Апресяна в работах конца XX века, собственно, данное понятие сопоставимо и с группой прилагательных «необладания признаком», описанных и обозначенных Ю.П. Князевым с точки зрения их семантического потенциала [1, с. 66; 13, с. 35]. Синонимом к указанным авторским определениям мы предлагаем термин полносемантические прилагательные – т.е. те, которые из-за своей внутренней полноты не способны проецировать в грамматическую плоскость определенный набор типичных для группы качественных прилагательных формальных признаков. К типичным признакам все существующие грамматики относят: 1) выражение градуированности – способность образовывать степеней сравнения; 2) образование нечленной формы, а также 3) «Способность сочетаться со словами субъективной оценки»; 4) «Способность сочетаться со словами очень, весьма, совсем, чуть и т.п.» [11, с. 177]. К таким прилагательным можем отнести, вслед за «Русской грамматикой» (1980): «босой, вдовый,

лысый, косой, нагой» [18, с. 561] и многие другие. В данной работе мы хотели бы подробнее остановиться на первой и, пожалуй, центральной, самой яркой черте качественных прилагательных – способность образовывать степени сравнения (в статье будут рассмотрены только формы сравнительной степени – компаратива, образованные синтетическим способом).

Вспомним, что формы сравнительной степени еще в общеславянский период образовывались при помощи присоединения суффиксов «-*jъs (один тип), и, с другой стороны, с суффиксом -*ejъs (другой тип)» [2, с. 352]. В результате «в современном русском языке все существующие способы образования форм ср. степени по своим формальным приметам до сих пор сохраняют связь с этими двумя типами образования» [2, с. 352], поэтому данная категория в СРЯ, согласно «Русской грамматике» (1980), образуются «при помощи суффиксов -ее (-ей)/-е/-ше, где наиболее распространены морфы -ее и -ей» [18, с. 560]. Следовательно, выбрав, например, прилагательные *босой, пустой, мёртвый* из списка, указанного в «Русской грамматике» (1980), в современном русском языке мы бы ожидали формы *босее, пустее, мертвее*, однако по формальным признакам они невозможны – их внутренняя форма указывает на предельность признака, семантическую полноту и законченность определенного процесса, и, как следствие, предел этого процесса, такие прилагательные «в русском языке обозначают максимальное проявление качества, а потому, с точки зрения носителя языка, невозможна градация признака» [12, с. 93]. Возможна ли градация или нет с точки зрения носителя языка – выясним далее на контекстном материале двух корпусов. Для анализа были выбраны следующие прилагательные: *голый, лысый, хромой, немой, слепой*.

Прилагательное *голый* в панхроническом корпусе НКРЯ по запросу «голый, A & (comp | comp2)» представлено 24 примерами употребления (данные на 22.10.2023), в основном, все представленные контексты – это художественная литература, дневниковые записи (т.е. бытовая сфера функционирования, что довольно важно), совсем редко – публицистика, например, «Надо изменить стиль моей записи. Без рассуждений, *поголее* факты. Да вот, не умею я» (З.Н. Гиппиус. Дневники. 1914-1928) [17], «Плечи и руки стали *голее*, юбки выше» (Ю.Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара, 1928) [17]. Почти все контексты относятся к середине XIX – нач. XX вв. Частотность полученной формы *голее* из текстов НКРЯ было решено проверить в ГИКРЯ, где на базе 4 основных интернет-платформ проводится статистика словоупотреблений, благодаря чему можно зафиксировать некоторые функциональные особенности на конкретном разговорно-бытовом материале. Было обнаружено 37 словоупотреблений (данные на 22.10.2023), например, «Береговой известняк постепенно вымывается. Наверное, корни скоро будут еще *голее*», «чем дальше, тем *голее*» [5]. Интересны случаи, где авторы специально заносят форму *голее* в кавычки, подразумевая, что таких образований в литературном языке нет: «Мы здесь не только честнее, но и в целом «*голее*», обнаженнее, чем в жизни», «у заводчиков вначале сложился стереотип: чем «*голее*» котенок при рождении, тем лучше» [5]. В одном контексте автор через языковую игру и риторический вопрос указывает на «предельность» данного прилагательного и невозможность образовывать

сравнительные формы в литературном языке: «Я принял правду вибраций" - "правду голую", *голее не бывает ведь?* [5]. Мы видим, что форма *голее* была употребительна, хоть и не так распространена, в литературном языке с 50-ых годов XIX века и просуществовала до 20-х годов XX века. В панхроническом корпусе более ранних контекстов мы не встречаем, это закономерно – в данный период развития «в общелитературном словоупотреблении закрепляются многие меткие и образные крылатые выражения, восходящие к творчеству самых различных и разностильных художников слова» [16, с. 242], поэтому и форма *голее*, возникшая как грамматический окказионализм, стилистически маркированный, могла закрепиться в узуальном употреблении и проявляться спорадически в разговорной речи по сей день, что подтверждается отсутствием грамматической пометы в БАС, которая указывала бы на нормативность образования сравнительной степени: «**Голый**, ая, ое; гол, а, о, мн. голы. 1. Не имеющий на себе никакой одежды, не прикрытый одеждой, нагой» [8, с. 264].

Сравнительная степень, образованная от прилагательного *лысый* в панхроническом корпусе НКРЯ по запросу «лысый, А & (comp | comp2)» представлена двумя словоупотреблениями (данные 23.10.2023), например, «Генерал пренебрежительно отвернулся, а лицо дивизионного врача стало еще унылее, голова еще *лысее*...» (В.В. Вересаев. На японской войне, 1907) [17], «Ссорятся два лысых человека: — А ты *лысее* меня! — Но почему?» (Коллекция анекдотов: абстрактный анекдот, 1970-2000) [17]. В данных контекстах эти формы использованы не случайно – в первом случае она является метонимическим переносом – передает следствие негативных эмоций героя, во втором – используется в качестве языкового элемента, на котором выстраивается юмористическая доминанта, т.е. роль данной формы здесь выстроена на расширении образности. Актуальность употребления формы мы так же проверили в ГИКРЯ. Корпус предлагает 138 словоупотреблений в современной разговорно-бытовой речи (данные 23.10.2023), например, «Я не могу позволить, чтобы мушкетер был *лысее* меня. где ж это видано-то, бабоньки?!» [5], «С каждым днем парк, что виден из окна, все *лысее*» [5], «Но все ж Рига выглядит как-то *лысее* рядом с Кентербери...Правда, ее же строили и перестраивали, особенно Старый город». Мы видим, что форма *лысее* существовала еще с начала XX века (ранних контекстов не обнаружено), ГИКРЯ же фиксирует наиболее современные словоупотребления в интернет-коммуникации, что соответствует использованию грамматической формы в живой разговорной речи. Следовательно, эта форма, как и сравнительная форма *голее*, существует в узусе, в современной разговорной речи, и не фиксируется литературной нормой, что вновь подтверждают грамматические пометы в БАС: «**Лысый**, ая, ое; лыс, а, о. 1. Имеющий лысины, с лысиной (о человеке)» [9, с. 346].

Форму сравнительной степени прилагательного *хромой* в НКРЯ находим только в одном контексте (данные 30.10.2023) и только в основном корпусе по запросу «хромой, А & (comp | comp2)»: «Я, может, его хромей, а вот никто не пожалеет!» (Федор Кнорре. Орехов, 1968) [17]. ГИКРЯ же предлагает 12 вариантов словоупотреблений: «Скорее, наоборот, на фоне, в общем, растущего качества потребительских сегментов жизни система, институты выглядят все

хромее и *хромеее*» [5], «Теперь же убирайся, обожженное животное, ставшее еще *хромее*, чем в день своего рождения!» [5], «В общем трава раньше была зеленее, а Хаус *хромеее*» [5]. Форма *хромее* очевидно существует в узусе языка, в середине XX века она появляется как окказиональная грамматическая единица, используемая писателем для украшения художественной речи. В контекстах же современных (можем говорить о временных границах 2005-2017 гг.) *хромее* чаще используется в публицистических заметках о политике, тематическая направленность которых по каким-то причинам всегда связана с процессом выборов. Вероятно, и здесь окказиональная грамматическая форма выполняет ряд эстетических функций, способных привлечь и заострить внимание читателя на определенной проблеме, подчеркнуть важность процесса, при этом не выходя за пределы узуса – в МАС не указываются грамматические пометы, позволяющие считать образование степени сравнения у данного прилагательного нормативным: «**Хромой**, -ая, -ое; *хром*, *хрома*, *хромо*. 1. С укороченной или больной ногой» [10, с. 627].

Формы компаратива прилагательного *немой* в панхроническом корпусе НКРЯ по запросу «немой, А & (comp | comp2)» представлены в 5 контекстах (данные 30.10.2023), например, «но его лицо мертво, холодно, душа его как бы нарочно закрыта черною завесою равнодушия – и уста его немы, и рука его нема, и глаза еще *немее* уст и руки» (О.И. Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах, 1833) [17], «Я делалась нема и неподвижна, *немее* и неподвижнее, чем прежде, чем когда-нибудь» (Е.В. Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур). Старушка // «Русский Вестник», 1856) [17], «Да-а, этому несчастному воспитаннику королевы неплохо бы быть еще *немее...*» (Георгий Полонский. Не покидай, 1998) [17]. Первое вхождение датировано 1833 годом, последнее – 1998 годом. Наибольшее количество контекстов с данной грамматической формой относится к сер. XIX – нач. XX веков. Как и в случае с формами *голее*, описанными выше, данные грамматические окказионализмы оказались хоть и не частотны, но употребимы в художественной литературе, а также, как мы заметили, в публицистике – связано это, вероятно, с художественным поиском и стремление к раскрытию семантического потенциала русского слова в середине XIX века, которое основывалось не только на лексической стихии, но и на грамматической – использование словообразовательного потенциала языка, благодаря чему в узусе возникали подобные образования, отвергнутые впоследствии нормативным аппаратом языка. Данные современной разговорной речи, представленные ГИКРЯ, следующие: было обнаружено 43 словоупотребления (данные 30.10.2023) формы *немее*, например, «Молчать - так *немее* рыб» [5], «Просто будут глаза *немее* И слышней костей хруст» [5], «Сад и Ночь *немее* с каждым опавшим листом» [5]. Интересно, что большинство контекстов – отрывки из современной поэзии, что наталкивает нас на мысль о первичной функции данной грамматической формы в качестве эстетического компонента текста – подтверждается эта гипотеза контекстами современными, где компаратив *немее* используется уже в основном в поэтическом языке художниками слова – это словоупотребление, как и в случае с формой *хромее*, не выходит за рамки узуального употребления. Можно сказать, что оно оказывается и функционально

ограниченным поэтическим языком, т.к. в БАС не указана в грамматических пометах возможность нормативного образования сравнительной степени: «**Немой**, ая, ое; нем, нема, немо. 1. Лишенный дара речи, способности говорить» [6, с. 89].

Завершая разговор, рассмотрим функционирование форм сравнительной степени прилагательного *слепой*, которые в панхроническом корпусе НКРЯ представлены 13 словоупотреблениями (данные 30.10.2023), например, «Науки суть светила, просвещающие души: человек, объятый мраком невежества, во сто раз *слепее* того, который лишен зрения от самого своего рождения (И.А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами, 1789) [17], «Она видит, осязает, верует, тогда как мы, с бедным умом нашим, бродим в потемках и, желая достигнуть света, час от часу становимся *слепее*...» (М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830) [17], «Мужицкие избы, и летом далеко не приглядные, кажутся еще темнее, *слепее* и сиротливее (М.Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь, 1863-1864) [17]. В целом, данные образования довольно популярны в литературном языке как в XIX веке, так и в XX, но распространено ли словоупотребление в современной разговорной речи? ГИКРЯ предлагает 61 контекст (данные 31.10.2023), где форма *слепее* употребляется в разговорной интернет-коммуникации, например, «Нет, это просто степень резкости и яркости работы фантазии. Мое объективно *слепее* и уже» [5], «М-да... Слава Богу нашашла свои очки. А то хоидла бы *слепее* крота» [5]. Помимо разговорной речи, встретились контексты из поэзии, художественной литературы и публицистики: «Точнее, такого же слепца и инвалида, как все народы, неспособные оградить свои интересы от посягательств сильных мира сего. Как все. Ничуть *не слепее*» [5], «Гомер же на его портрете Аристотеля еще *слепее*, чем греческий, и рука Аристотеля лежит на затылке мраморного Гомера, как рука слепого, узнающего мир на ощупь» [5]. Интересно, что форма *слепей*, представленная 22 контекстами (данные 31.10.2023), используется только в современной художественной литературе, поэзии, либо публицистике: «Зато были они *слепей* и доверчивей к стукачам. Были падче на грубые обманы начальства» [5], «Глаза мои были Песчанее пыли, *Слепей*, чем десяток котят» [5], но не зафиксирована в разговорной речи. В целом, проанализировав контексты с данной грамматической формой, можно говорить о её достаточной распространённости в СРЯ, писатели и поэты уверенно используют эту грамматическую единицу, т.к. она, как и в текстах XIX века, соответствует необходимым внутренним семантическим условиям и требованиям языка. Однако не смотря на достаточную распространённость, за пределы узуса форма *слепее* не выходит – грамматические пометы в БТС и БАС не дают указаний на возможность нормативного образования степени сравнения: «**Слепой**, -ая, -ое; слеп, -а, -о. 1. Лишённый зрения, способности видеть (противоп.: зрячий)», это же встречаем в БАС: «**Слепой**, ая, ое; слеп, слепя, слепо. 1. Лишенный зрения, способности видеть» [7, с. 191].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Полносемантические прилагательные в СРЯ способны образовывать степени сравнения, однако эти образования

находятся в узусе языка: они могут подниматься до уровня литературного языка в качестве некоторых исключений – их использование допустимо как эстетический прием в художественной литературе, поэзии, а также публицистике. Такие грамматические образования способны привлечь и акцентировать внимание читателя на определенных проблемах (когда говорим о публицистике). Данный тезис отмечен и в «Русской грамматике» (1980): «Сфера возможного образования форм сравнит. степени у таких слов – профессиональная речь художников и поэтическая речь» [18, с. 561], что подтверждается нами в данной работе на контекстном материале с включением различных данных: от современной художественной литературы и поэзии, до отсылок к текстам известных художников слова.

Норма, как мы увидели, строго регламентирует функционирование подобных образований и не впускает их в область литературного языка – это подтверждают грамматические пометы современных словарей русского языка (МАС, БТС, БАС), а также фиксация данного замечания в «Русской грамматике» (1980): «Ограничения в образовании формы сравнит. степени с морфами -ее и -ей немногочисленны и связаны с факторами как семантическими, так и структурными и акцентологическими» [18, с. 561]. Норма, по сути своей, это, по словам Л.А. Вербицкой, – «совокупность явлений, разрешенных системой (разрядка наша – авт.)» [3, с. 15], то, что «установлено и закреплено» [3, с. 15]. Степени сравнения же у «предельных» прилагательных оказываются порожденными и разрешенными системой, но недопустимыми в литературном языке, вероятно, по семантическим причинам – внутренняя полнота создает семантический предел, который не допускает использования градационных признаков и их грамматического отражения в формальной стороне лексемы. Употребление синтетических форм степеней сравнения (вероятно, и аналитических) у «предельных» прилагательных приводит к семантической неясности и размытости, возможно, и к языковой преувеличенности, вычурности, чего так избегает упорядоченный и четко выстроенный литературный язык. Из этого следует, что норма – это механизм, который способен контролировать возможности языковой системы, устанавливая определенные функциональные границы.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика. М.: Восточная литература, 1995. 472 с.
2. Бромлей С.В. К истории образования форм сравнительной степени в русском языке // Труды Института языкознания. Т. VIII. М.: АН СССР, 1957. С. 350-470.
3. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. Изд. 4-е, испр. М.: Высшая школа, 2008. 263 с.
4. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: На материале иберо-романских языков. М.: Наука, 1978. 200 с.
5. Генеральный интернет-корпус русского языка. <https://clck.ru/FzQds>

6. Герд А.С. Большой академический словарь русского языка. Т. 12. Недруг – няня. М., СПб.: Наука, 2007. 651 с.
7. Герд А.С. Большой академический словарь русского языка. Т. 26. Скорее – сом. М., СПб.: Наука, 2019. 696 с.
8. Горбачевич К.С. Большой академический словарь русского языка. Т. 4. Г – день. М., СПб.: Наука, 2006. 678 с.
9. Горбачевич К.С. Большой академический словарь русского языка. Т. 9. Л – медь. М., СПб.: Наука, 2007. 659 с.
10. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С-Я, 1988. 800 с.
11. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология: Т. 1. 2-е изд. Братислава: Изд-во Словацкой акад. наук, 1965. 302 с.
12. Каменев Д.М. Прилагательные годный/godny в русском и польском языках: особенности образования и функционирования форм превосходной степени // XXV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета (г. Нижневартовск, 4–5 апреля 2023 г.). Ч. 5. Филология. Лингвистика. Перевод. Нижневартовск, 2023. С. 90-95.
13. Князев Ю.П. Проблемы описания грамматической семантики: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 63 с.
14. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
15. Лаптева О.А. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. статей к юбилею Г.А. Золотовой. М.: УРСС, 2002. С. 345-353.
16. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981. 279 с.
17. Национальный корпус русского языка. <https://clck.ru/34tWYY>
18. Шведова Н.Ю. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 789 с.

© Каменев Д.М., 2024